

В Н О М Е Р Е:

Стр.

К 125-летию полного издания «Калевалы»

Яакко РУГОЕВ —
Ответственность за наследство 2

Олег МИШИН —
Л. П. Бельский — переводчик
«Калевалы» 9

Юрий ГАЛКИН —
Случайный снегирь, повесть 13

Анатолий РОДИН —
За губой Святахой, стихи 48

Вадим БЕДНОВ —
Новые стихи 50

Из современной исландской поэзии.
(Вступительная статья и перевод А. Либермана) 52

Жорж СИМЕНОН —
Мегрэ у министра, роман. (Перевод с французского Э. Косман) 54

Э. ШРАЙБЕР —
Пиррова победа комиссара Мегрэ 83

ОЧЕРКИ И ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав ОПАРИН —
Величане 87

Василий ЕЛЕСИН —
«Мы живем от земли...» 100

ПУБЛИКАЦИИ И КОММЕНТАРИИ

Михаил ПРИШВИН —
Раннее и забытое... 109

КРИТИКА

Юрий ДЮЖЕВ —
О жизни правдиво и искренне 115

Книжное обозрение

Валентин КАМЕНЕВ —
Тугие узлы чрезвычайного 121

Ольга ГЛАДЫШЕВА —
Лики Севера 123

Пекка МУТАНЕН —
Лиризм прозы 124

Почта «Севера» 126

НА ВКЛЕЙКЕ:

Фотогалерея «Севера» 96-97

На второй стр. обложки — иллюстрация М. Мечева к «Калевале»

здается с 1940 года

«Север» 1974 г.

Яакко РУГОЕВ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАСЛЕДСТВО

... **Н**А КРУТОМ берегу озера Куйто, на небольшом мысу в устье реки Ухты собрались жители Калевалы. Школьники с алыми пионерскими галстуками; солидный плечистый рабочий народ, облаченный в подходящие к случаю строгие праздничные костюмы; беззаботные на вид парни и девушки с открытыми всем ветрам современными прическами; старики и старухи в старомодных своих одеяниях...

Люди стояли благоговейно на этом пятаке плотным живым кольцом, не замечая ни хмурости осеннего дня, ни ползущей с озера седой измороси, ни нелепого глухого забора со стороны материка. Их взгляды были прикованы к молодым соснам-саженцам, прислоненным друг к другу около простенькой фанерной дощечки. А на дощечке было выжжено, что отсюда в июле 1941 года на лодках отправился в свой первый поход по тылам врага партизанский отряд «Красный партизан»...

Тогда, летом 1941 года, на этом мысу зеленело целое семейство жизнерадостных молодых сосен, а над ними мудрая и благородная сосна-мать распростерла свои зашатливые руки-ветви. И партизаны, уплившие на лодках от этого мыса, почти с того берега широкого озера Куйто могли различать в устье реки Ухты это такое знакомое, такое родное зеленое место, которое не минуешь ни при отплытии, ни при возвращении...

Сосна могла бы рассказать нам об очень многом. Она была свидетелем шведских набегов на карельскую землю. Она видела, как это большое село полыхало в огне пожарищ. Потом она слышала стук топоров и увидела деревню возрожденной. Летом она провожала рыбаков на путину и встречала их, возвращающихся с полными лодками озерного серебра. Зимой напутствовала в долгий путь обозы и олени упряжки на лесные разработки, на перевозку грузов из далекого поморского города Кемь... Она видела жителей этих берегов то уходящими, то возвращающимися. То счастливыми, то печальными, но никогда не терявшими веру в будущее.

А к мечте о светлом будущем народа сосна имела самое непосредственное отношение. Из-под ее мощной короны рыбак с надеждой взглядывал в неспокойное озеро и шептал таинственные слова, обращенные к всемогущему владыке воды Ветехинену. Матери, провожающие сыновей на долгую солдатчину, молили всевышнего, чтобы он возвратил детей домой живыми и невредимыми. А каждой весной, когда ухтинцы переправляли с этого места на лодках своих овец на летнее пастбище на остров Ухутсаари, хозяинки бросали в воду зеленые хвойные веточки, чтобы озеро не пустило к острову ненасытных медведей. Верность и надежда были основным содержанием всех этих притчаний, произнесенных про себя или полуслепотом. Но были и такие песни, которые пелись в полный голос, предназначенные не столько себе, как другим. Это были песни о земле «Калевалы» и ее жителях — мудром Вяйнямейнене и кузнеце Илмаринене, песни, записанные именно под этой самой сосной Элиасом Лённротом от ухтинских runopievцев и составившие основу эпоса «Калевала».

...И вот, в октябрьский день на этом мысу, где когда-то стояла сосна Лённрота, и собрались жители Калевалы.

Собрались не только для того, чтобы отпраздновать 200-летие со дня рождения Архипа Ивановича Перттунена, чтобы отдать дань уважения и признательности великим предкам, но и для того, чтобы подтвердить свою причастность к их бессмертному культурному наследию. Пришли, чтобы возврить живой трепет сосновой поросли на этом мысу, откуда старые сосны уже давно исчезли..

В начале прошлого века у интеллигентии Финляндии — ученых и собирателей народного творчества — появилось пристальное внимание к беломорской Карелии, как к колыбели эпических песен. Но навряд ли кто-либо из них мог предположить, во что в итоге выльется эта, продолжавшаяся потом десятилетиями упорная собирательская работа. Даже Элиас Лённрот, самый неутомимый в своих долгих и терпеливых поисках собиратель карельского и финского народного творчества и будущий составитель «Калевали», предполагавший, что записанные в Карелии руны могут составить свод древнего народного эпоса, далеко не сразу мог предугадать окончательный облик этого свода. Отправившись во второй половине апреля 1834 года в свое пятое путешествие за песнями, он оставил дома уже готовую рукопись под названием «Собрание рун о Вайнямейнене». Но интуитивно чувствовал, что в рукописи недостает чего-то существенного, и, в надежде найти недостающее, он, видимо, и отправился в свою очередную поездку. И надежды оправдались благодаря встрече с Архипом Ивановичем Перттуненом, пожилым крестьянином-бедняком из пограничной деревушки Ладвазеро. С пятницы до воскресенья (с 25 по 27 апреля) — почти беспрерывно — Лённрот записывал от Архипа Ивановича его эпические песни и за эти три дня упорной работы далеко не исчерпал песенных запасов рунопевца. Но обстоятельства — распутница и отсутствие денег — вынудили Лённрота покинуть Ладвазеро, прежде чем он сам того хотел.

Эта встреча и решила — в самом существенном — дальнейшую судьбу эпоса. Архип Иванович Перттунен напел центральные руны «Калевали» — цикл о Сампо — и много других эпических песен, составляющих основное ядро поэмы о древней жизни карело-финского народа. Все эти руны были переданы с такой полнотой, законченностью и художественным совершенством, что они потом определили не только композицию, но и основной замысел и непревзойденную эстетическую ценность эпоса.

Э. Лённрот дал самую высокую оценку рунопевческому таланту Архипа и его личным качествам. В своем путевом дневнике знаменитый собиратель писал: «Он (Архип — Я. Р.) пел руны в определенной последовательности, без заметных пропусков, среди них были такие, каких я ранее не слышал, и сомневаюсь, чтобы их можно было еще где-нибудь найти. Я был рад, что решил съездить к нему; кто знает, может быть, впоследствии я и не застал бы уже старика в живых, и, если бы он умер, заметная часть наших древних рун вместе с ним ушла бы в могилу».

Сразу же после возвращения в Финляндию (1 мая 1834 года) Э. Лённрот пишет своему другу, секретарю Общества финской литературы лектору Кекману: «...Можешь представить, сколько набралось рун во время этой поездки. О Вайнямейнене многое совершенно новых и еще улучшенных старых стихов. Очень хорошо, что те, прежние, руны не успели отпечатать... Во время всех моих поездок я не встречал лучших певцов, чем в 1828 году Иогана Кайнулайнена в Кесялахти и в эту поездку Архипа из Ладвазера. В конце письма Лённрот выражает желание приехать к своему другу, чтобы «вместе могли бы соединять руны о Вайнямейнене, ибо компоновка этих только что записанных рун со старыми (т. е. ранее записанными — Я. Р.) займет не менее двух недель».

Но, как оказалось, составителю эпоса предстояли не две недели, а целые месяцы кропотливой работы, прежде чем он смог сдать в печать свой труд.

Таким образом, лишь после того, как Лённрот ввел в состав «Калевали» руны, записанные от Архипа Перттунена, состоялся целостный народный эпос, вобравший все самое ценное из карельского народного творчества. «Калевала» стала достоянием не только карельского и финского народов, но и всей мировой культуры.

«Калевала» — это монументальная эпическая поэма, рассказывающая о самых сокровенных мечтаниях народа: о борьбе за справедливость, о праве людей на счастье и мирный созидательный труд. Отто Вильгельмович Куусинен писал: «Герои «Калевали» не боги, а люди». Да, наш эпос является и в этом смысле истинно народным. Центральные герои «Калевали» — олицетворение благородства, мужества и веры в лучшее будущее. Их словами и деяниями дается приговор мраку, властолюбию, чванству, жадности. «Калевала» отражает миропонимание наших предков, одновременно являясь замечательной энциклопедией народной жизни. Какое богатство кон-

крайних сведений, бытовых деталей, какое изумительное многообразие художественных приемов встречаем мы, читая «Калевалу»!

И за то, что мир приобрел «Калевалу» именно такой, какой мы знаем ее ныне, мы должны быть благодарны не только Элиасу Лённроту, а прежде всего десяткам лучших рунопевцев из простого народа, среди которых на голову выше остальных поднимается «король рун» Архип Перттунен.

К сожалению, о личности Архипа до нас дошло не много достоверных сведений. По предположению Элиаса Лённрота, в 1834 году Архипу Перттунену было лет 80. Отсюда и вошел в научную литературу год рождения Архипа — 1754-й. Но недавние исследования уточнили эту версию. Среди хранившихся в Архангельском государственном архиве документов сохранились так называемые исповедальные книги. В них несколько раз встречается и имя Архипа Перттунена. Впервые имя Архипа Перттунена занесено в исповедальную книгу в 1793 году, когда ему исполнилось 24 года. Следовательно, Архип Иванович Перттунен родился в 1769 году.

Вся его жизнь прошла в родной деревне Ладвозеро. Он был сильным и мужественным человеком, до конца остававшимся верным родному очагу, родным берегам, лесам и полям. Народ сохранил в своей памяти немало устных рассказов об Архипе Перттунене. Вот один из них.

Несколько лет подряд выдавались сильные неурожай. Невиданная нужда пришла в деревню. Дети и старики умирали от голода. Питались хлебом из сосновой коры. Уже немало домов опустело, а их хозяева пошли по миру, и многим суждено было погибнуть. Но нашелся человек — это был Архип, — который не дрогнул, остался дома — назло нужде и заморозкам. Еще не тронутыми в начале весны лежали снега, а он собрал в ларе все остатки зерна и посеял ячмень на покрытом снегом поле... Посеял для того, чтобы голод не заставил подчистить семена, чтобы не заахла жизнь здесь на родных полях. Он знал, что помочи ждать было неоткуда и надеяться не на кого. Только на свое упорство и твердость воли. Такое было время.

Элиас Лённрот восхищенно писал о таланте Архипа Перттунена, о его мудрости, мужестве, скромности, о его исключительной памяти. Он отметил, что хотя дом Архипа был беден, в нем царила атмосфера теплых человеческих отношений. Вся деревня уважала Архипа как патриарха, мудреца. Архип был свободен от многих предрассудков того времени. Тяжелая жизнь не сломила его светлого мироощущения, веры в будущее.

Очевидно, каждая эпоха по-своему определяет свое отношение к явлениям культуры прошлого. Новые поколения оценивают эти явления с высот своего времени, то воздавая заслуги ранее незамеченному, то свергая с пьедестала незаслуженно возвеличенное. Но мы можем с уверенностью сказать, что ни одно поколение или эпоха не могут отрицать непреходящего значения «Калевалы» и, следовательно, творческого наследия Архипа Перттунена. Что же касается личности самого Архипа Перттунена, то, в моем представлении, она воплощает прежде всего высшее достоинство человека и творца. Он был одним из первых карелов, которому суждено было стать — не столько в буквальном, сколько в символическом смысле — лицом к лицу с мировой культурой. Но с каким достоинством справился с необычайной и нелегкой миссией этот неграмотный, но умудренный опытом жизни и одухотворенный врожденным поэтическим даром простой крестьянин из маленькой лесной деревушки Ладвозеро!

В «Калевале» и рунах Архипа Перттунена мы до сих пор находим немало подходящих к разным жизненным ситуациям мыслей, изречений, образов. Все это лишний раз свидетельствует о «живучести» этой превосходной поэзии. В цикле лирических стихов, записанных от Архипа Перттунена, можно уловить многие детали, обусловленные собственной жизнью и биографией рунопевца. Например, сцены рыболовства даются с таким знанием дела, с каким может говорить лишь тот, кто сам рыбачил всю жизнь. А Архип был отменным рыбаком. Кстати, именно этих подробностей ни у кого из других рунопевцев-ровесников Архипа Перттунена нет.

В песнях Архипа встречаются места, которые полностью можно отнести к его личным переживаниям:

Отчего, создатель, злишься,
Гневаешься, хлебодатель?
Племя, род наш воспитал ты,
Праотцов кормил, лелеял,
Отчего ж меня не кормишь
Племени куском обильным,

Родичей едой старинной?
 Я ж не хуже тех соседей,
 Промысел у них греховный,
 И мужи у них дурные.
 Всяк из них берет обманом,
 Мне та хитрость не по нраву.
 Отчего меня обходишь,
 Не сулишь добра, даятель,
 В годы лучшие, в мой полдень
 На ногах стою я крепко.
 Я немногого просил бы,
 Ну, и малого не взял бы...
 (Из песни «Много снегу навалило»,
 перевел Р. Минна)

Выполняя до конца долг верности своей каменистой земле и родной калевальской поэзии, он, конечно, не знал о том, что оставленное им поэтическое наследие, вошедшее в «Калевалу», со временем выполнит еще одну миссию: впервые обратит внимание всего культурного мира на далекую Карелию и ее народ.

Непреходящее значение имеют мудрые человеческие заветы Архипа Ивановича подрастающему поколению, его взгляд на творчество. В одной из своих песен Архип подчеркивает необходимость вдохновляющего момента в творческом процессе, в другой он говорит, что, кроме поэтического наследия дедов, певцу дают слова и образы окружающая природа, труд, сама жизнь:

Сам пою я песни дедов,
 Передам здесь в древних рунах
 Все слова, что раньше слышал,
 Все, которым научился.
 Слов не раздобыл я много,
 Находил их на дорогах;
 Из травы слова натерты,
 Подарил слова мне вереск.
 Был я пастушонком малым,
 Пас немалое я стадо;
 Я ходил тогда по кочкам,
 У камней стоял у пестрых,
 Около камней огромных,
 И нашел я слов там много...
 (Из песни «Сам пою я песни дедов»,
 перевел В. Евсеев).

Во время встречи с Лённротом старый рунопевец сокрушался, что новое поколение уже не будет так бережно хранить поэтическое наследие отцов. Но, к счастью, он ошибся. Его сын Мийхкали Архипович Перттунен, несмотря на свою слепоту, стал замечательным хранителем поэтического наследия отца, всемирно известным рунопевцем.

Жизнь Мийхкали Перттунена была трагической. Отец большого семейства, он в свои самые лучшие годы потерял глаз. Умерли его братья, и Мийхкали усыновил их детей. Тяжелая его ноша удвоилась. Под бременем забот и физического перенапряжения он совсем ослеп. Но, превозмогая физическую слепоту, Мийхкали Перттунен сумел на крыльях своего изумительного дарования подняться выше многих знаменных рунопевцев, оставив потомкам около семидесяти эпических песен, или 3500 стихотворных строк. Будучи уже совсем слепым, Мийхкали оставался таким же неустанным тружеником, как и раньше. И если дома кончалась работа, он шел к соседям круить ручную мельницу, а если не было зерна, то толок в ступе сосновую кору. И пел.

Когда к нему приезжали фольклористы, он охотно делился своим поэтическим кладом.

— Пусть пойдут песни в большой мир, стало быть, в них нужда есть,— говорил он.

До нас дошло несколько фотографических изображений Мийхкали. На портрете, сделанном в 1894 году финским этнографом и путешественником И. К. Инха, мы видим одухотворенное лицо, полное достоинства и благородства. Впоследствии известный скульптор Алпо Сайло выполнил по этому портрету скульптурное изображение рунопевца. Сейчас скульптура украшает фонды нашего краеведческого музея. Исто-

рия о том, как эта работа попала в Карелию, представляет интерес. В молодости Алло Сайлло примыкал к революционно настроенным слоям финской интеллигенции, помогавшим русским большевикам. Он был в близких отношениях с известным революционным деятелем Бурениным и в знак дружбы подарил ему бюст Мийхкали Перттунена. А потомки Буренина сравнительно недавно передали бюст в дар Карелии, нашему краеведческому музею.

Наследники Архипа и Мийхкали продолжали рунопевческие традиции Перттуненов.

Еще в наши дни жила и творила Татьяна Алексеевна — прямая наследница рунопевческого рода Перттуненов, оставившая нам десятки сочиненных ею самой песен о советской жизни. Эти песни, написанные в традиционном калевальском стиле, отличаются от эпических рун совершенно новым содержанием. Из нашей памяти еще не изгладились мудрые черты ушедших от нас калевальских народных сказительниц Марии Михеевой и Еуки Хямяляйнен, которые также являлись потомками рунопевческих династий из Ладвазера и Войницы. Они обе были членами Союза писателей Карелии. В деревнях Калевальского района и поныне живут еще десятки людей, хранителей устного народного творчества.

В своих письмах, статьях и в предисловии к «Калевале» Э. Лённрот неоднократно заявлял, что «родиной этих поэм является Карелия по обе стороны государственной границы Финляндии и России...» и что «наилучшей и самой богатой колыбелью рун является, во всяком случае, приход Вуоккиниemi Беломорской и Архангельской губерний». Кроме ладвазерца Архипа Перттунена, он очень высоко оценил войницких рунопевцев Ондрея Малинена и Василия Киэлевяйнена. В Приладожье и в районе нынешнего Суоярви карельское население также выдвинуло из своей среды многих талантливых рунопевцев.

На примере Архипа Перттунена выдающийся собиратель, поэт и составитель «Калевалы» свидетельствует подлинно творческую причастность крупных рунопевцев не только к хранению, но и усовершенствованию эпического наследия.

Мы знаем, что поэзия «Калевалы» отражает далекую эпоху, общественные отношения той эпохи. Но в то же время она обогащена приметами еще близкой нам реальной жизни наших отцов и дедов, насыщена многими бытующими и поныне в народной жизни деталями. Как подробно и поэтично описаны трудовые процессы, орудия труда. Например, каждая часть, каждый изгиб лодки или весла имеют свои названия, сохранившиеся и поныне. А приметы северной природы: с какими знакомыми подробностями они даются! Прямо узнаешь родные места — леса, поля, озера. А сам язык, с его богатством, оттенками, образностью, с его изумительной способностью даже в наши дни — мы сами являемся свидетелями этого — наделить конкретными и образными названиями совершенно новые явления, привнесенные современным развитием общественной жизни.

Значит, последующие поколения вплоть до рода Перттуненов, Киэлевяйненов, Малиненов и других постоянно обновляли ткань древней эпической основы живым языком и свежими образами. А если это так, то они были подлинными соавторами эпоса, а не пассивными хранителями, как считают некоторые западные исследователи. Некоторые из них идут еще дальше, утверждая, что эпос записан уже в «обедненном», в «испорченном» позднейшими рунопевцами виде. Этим догадкам и измышлениям мы можем смело противопоставить руны Архипа Перттунена, отличающиеся во всех отношениях изяществом и совершенством.

Самим развитием эпоса и объективными научными исследованиями уже давно доказано, что эпические руны, легшие в основу «Калевалы», составляют общее достояние карельского и финского народов. Не желая вдаваться в старый спор о принадлежности «Калевалы», хочу лишь сказать, что когда на Западе то и дело появляются рецидивы отторжения права карельского народа на наш национальный эпос, то долг наших ученых и писателей — дать научно обоснованную принципиальную отповедь. Это естественно. Но беспокоит и другое. В последние же годы приходится встречаться, мягко выражаясь, с удивительными вещами: то в одном, то в другом солидном центральном издании, когда разговор коснется «Калевалы», она преподносится обычно лишь как финский национальный эпос. Это происходит, очевидно, от простого незнания предмета. Но если такие утверждения будут раздаваться из года в год со страниц изданий с миллионными тиражами, то большая читательская масса может воспринять это за истину.

Когда после смерти Элиаса Лённрота националистически настроенные финские фольклористы пытались доказать недоказуемое — чисто западно-финляндское происхождение эпоса, Аугуст Алквист — ученый и поэт — писал в 1887 году в своей статье «О карельском происхождении «Калевалы»: «Со всей полнотой своих гражданских прав рядом с финном, жителем Хяме, стоит карел и говорит ему: «Ты своим переводом

Библии на финский язык положил начало финскому литературному языку. Это хорошо. Это большое дело, и спасибо тебе за это. А я создал «Калевалу» и «Кантелетар». Пой и ты эти песни, и будем жить в мире». А один из создателей грамматики финского языка Сетяля констатировал: «Руны «Калевалы» прошли через карельское горнило».

Известно, что выход первого издания «Калевалы» в 1835 году решающим образом повлиял на дальнейшее развитие литературного финского языка, создал предпосылки художественного творчества на этом языке. Но любопытно другое. В двухтомной биографии Э. Лённрота* рассказывается, что «Калевала» была таким неожиданным подарком для тогдашнего финского культурного общества, что долгое время некому было даже разобраться в сути этого явления. Кроме того, для большинства образованных людей того времени, даже для тех, кто владел тогдашним финским литературным языком, язык «Калевалы» был непонятен! Потребовалось четырнадцать лет, пока разошелся полностью тираж в 500 экземпляров первого издания «Калевалы». Но в то же время все прогрессивные культурные люди давали себе отчет в том, что в этом создании карельских runopевцев таится будущее всего финского литературного языка.

В 1849 году вышло новое, полное издание «Калевалы» (оно признано каноническим), над которым Э. Лённрот работал еще пять лет. О значении этого издания очень хорошо было сказано тогда же в газете «Литературблад»: «Если судьба первого издания «Калевалы» сложилась так, что ею больше восхищались, ее больше объясняли, чем читали и изучали, то сейчас, думается, будет иначе: новое издание станет настольной книгой каждого человека, как и подобает духовному достоянию нации».

Пример «Калевалы» свидетельствует о том, что подлинно национальное искусство может стать общечеловеческим явлением культуры. Истинная культура может проявляться лишь через конкретные формы, в наших же сегодняшних условиях — в сочетании с социалистическим содержанием. И в то же время подлинно общечеловеческое никогда не противоречит национальному.

Влияние «Калевалы» на мировую культуру огромно. Выдающиеся поэты и ученые посвятили переводу и изучению эпоса десятилетия, а то и всю свою жизнь. Поэзия «Калевалы» вдохновила основоположника финской национальной классической литературы Алексиса Киви на создание трагедии «Куллерво». По этим же мотивам написана пьеса Эркко. Облетевшие весь мир монументальнейшие музыкальные произведения Яна Сибелиуса также основаны на поэтике и образах «Калевалы». Творчество знаменитого финского поэта Эйно Лейно органически связано с калевальской поэзией. Непревзойденные иллюстрации «Калевале» оставил Аксель Галлен-Каллела — один из финских друзей Алексея Максимовича Горького. Иллюстрациям «Калевалы» посвятили свой труд и талантливые художники во многих других странах. В связи с этим нельзя не упомянуть имя крупнейшего деятеля современности С. Т. Коненкова, который неоднократно обращался к карельскому народному творчеству и исполнил прекрасную фигуру «Runopевца».

Выдающийся американский поэт Лонгфелло свою знаменитую «Песнь о Гайавате», несомненно, создал под влиянием «Калевалы». Добиваясь музыкальности и певучести стиха, он заимствовал из нашего эпоса стихотворный размер (четырехстопный хорей с женскими окончаниями), совершенно не известный в американской поэзии той эпохи.

Благородный пример Элиаса Лённрота вдохновил его эстонского собрата Фридриха-Рейнгольда Крейцвальда на создание эпоса «Калевипоэг».

В нашей многонациональной стране, особенно в советские годы, «Калевала» привнесла огромную популярность. Десятки изданий на самых различных языках, десятки переложений для юных читателей, десятки и сотни исследований именитых ученых. В последние годы переводы «Калевалы» осуществлены в Армении, Литве и ряде других советских республик.

Литература и искусство Советской Карелии выросли на традициях эпоса. Я. Вирттанен и Л. Хело-Гуттари, Э. Паррас и Н. Яккола, В. Гудков и И. Кутасов, Н. Лайнен и Т. Сумманен, С. Лунд и Р. Такала, А. Титов и Б. Шмидт — все они в той или иной степени связали свое творчество с «Калевалой». И не только поэты. Живая связь с поэзией «Калевалы» ощущается в лучших книгах Пекки Пертту, Анти Тимонена, Ортье Степанова и других наших прозаиков. А с тех пор, как Виктор Гудков создал ансамбль «Кантеле», самые талантливые представители музыкальной культуры Карелии то и дело обращались к неисчерпаемым кладезям «Калевалы». Величие и красота, суровый драматизм и лиризм эпоса питали творчество композиторов Калле и Ройнэ Раутио, Лаури Еоусинена (музыка к спектаклю «Карельская свадьба»), Гельмера Синисало (музыка к балету «Сампо»), Рувима Пергамента (симфоническая поэма «Айно» и оперетта «Кумоха»), Голланда и Патлаенко. Наши театры неоднократно — и не без успеха — включ-

* Аарне Анттила. Элиас Лённрот, жизнь и деятельность, том. I, стр. 238.

чили в свои репертуары произведения, имеющие непосредственное отношение к «Калевале» и народному творчеству.

В 30-х годах резчик по дереву Юрье Раутанен создал свою проникновенную работу «Рунопевцы». Художники Осмо Бородкин, Георгий Стронк, Мюд Мечев, Тамара Юфа, каждый по-своему, сделали много в области иллюстрирования разных изданий эпоса. Лео Ланкинен создал замечательные скульптурные портреты наших известных сказительниц.

В нашей республике «Калевала» издавалась многократно и на финском и на русском языках. Были издания юбилейные, были многокрасочные и простые, самого разного формата. Но спрос на книгу не падает. Это говорит о всевозрастающей популярности эпоса. На русском языке вышло из печати издание «Калевалы» в новом переводе, осуществленном карельскими поэтами Николаем Лайне, Маратом Тарасовым, Алексеем Титовым и Айно Хурмеваара. К весне читатели получат новое издание на финском языке с иллюстрациями художника М. Мечева. На выставке в Хельсинки эти иллюстрации были восторженно приняты общественностью финской столицы. В 1948 году в переводе Виктора Яковлевича Евсеева был издан сборник «Избранные руны Архипа Перттунена». Ныне эта книга стала библиографической редкостью. Крайне желательно, чтобы в самое ближайшее время наше книжное издательство предприняло все необходимые меры, чтобы дать читателю руны выдающегося рунопевца в их первоначальном облике, то есть такими, как они записаны от Архипа, а также переиздало его избранные руны на русском языке. Необходимо создать и книгу о рунопевческой династии Перттуненов.

Жизнь идет вперед, и на месте старых форм народной культуры появляются другие, порожденные новыми условиями. Исчезнут со временем и старинные рунопевческие традиции, проложившие дорогу современной литературе Карелии. За нами остается долг бережного и благодарного отношения к предшественникам. Мы позаботимся о том, чтобы наши дети запомнили дорогу к сосне Лённрота в Калевале и на остров Калмосаари в Ладвазере, чтобы снова стали популярными звонкие названия Суйстамо и Вегарукса, давшие многих замечательных песнопевцев, позаботимся о том, чтобы их наследие долгие годы служило на радость и пользу нашему народу. Сейчас, когда мы празднуем 125-летие полного издания «Калевалы» и отдаем дань уважения и признательности карельским рунопевцам, мне хотелось бы верить, что вызванный этим юбилеем интерес к выдающимся людям и событиям нашего прошлого не погаснет вместе с окончанием праздника.

История донесла до нас не многие имена приладожских карел — жителей, строителей и героических защитников славного города Корелы, который совместными усилиями русских и карел был превращен в неприступную крепость и служил в течение многих веков аванпостом на северо-западной границе Русского государства. Самые смутные сведения имеем мы также о легендарном Рогаччу — предводителе карельских крестьян в годы шведских набегов на Карелию. А много ли наша молодежь знает о таких выдающихся рунопевцах, как Ондрей Малинен, Василий Киэлевяйнен и Анни Лехтонен из Войницы или о братьях Яманен из Ухты-Калевалы? О представителе знаменитой суйстамской династии рунопевцев Педри Шемейке? А имя Ларин Пааске (1833—1904), выдающейся народной поэтессы с Карельского перешейка?

Мудрая олонецкая поговорка гласит: «без корней не растет даже грубая осока».

Нисколько не умаляя ценности плодотворной и целеустремленной работы карельских ученых — особенно за последние годы, — мне хотелось бы сегодня поставить вопрос: не наступила ли пора нашим историкам, этнографам, фольклористам, литературоведам и вообще всей научной общественности республики более интенсивно приступить к деятельности изучению и разработке вопросов истории, быта и культуры карельского народа с древнейших времен до наших дней? Волнует еще и другая сторона этого же вопроса. Ведь даже те труды, которые созданы нашими учеными по истории, этнографии, лингвистике, очень слабо популяризируются, подчас они не доходят даже до студентов — филологов и историков. А сколько ценнейших материалов, собранных за годы Советской власти, лежит мертвым грузом в архивах, ожидая исследователей.

Все это важно и актуально для дальнейшего строительства нашей культуры и духовного обогащения нашего народа, и в первую очередь — молодежи. Прививая любовь и интерес к родному краю и его истории, к родному языку и народному творчеству, раскрывая героические страницы жизни народа, освещая его лучшие и благородные традиции — в том числе поэтические, — мы воспитываем у нашей будущей смены чувство высокого патриотизма, учим уважительному отношению к созидательной деятельности предыдущих поколений и развиваем искреннюю устремленность к совершенствованию нашего мира.

Традиции нашей письменной культуры сравнительно молоды. В своем развитии карельские писатели постоянно опирались на достояния уже давно сложившихся культур братских народов, на богатейшую культуру русского народа. Благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и Советской власти, карельский народ за короткий исторический срок совершил культурную революцию и создал прочный фундамент для успешного роста разнообразных форм культуры. Но если мы хотим и дальше успешно обогащать, совершенствовать и строить свою культуру, культуру со своим лицом — социалистическую по содержанию и национальную по форме,— то одним из немаловажных условий этого является хорошее знание наших истоков. Поэтому мы должны исполнить свой долг по отношению к предшественникам, которые, как сказал М. Горький, в течение многих веков внесли немалый вклад в освоение, обогащение и украшение этой древней земли.

Отмечая 125-летие выхода в свет полного издания «Калевалы», надо отчетливо представить себе вклад наших далеких и более близких предков в освоение, благоустройство и украшение нашей древней земли. Тогда мы лучше исполним свой долг — активное участие в дальнейшем культурном и революционном движении страны и всего мира.

Олег МИШИН

Л. П. БЕЛЬСКИЙ — ПЕРЕВОДЧИК „КАЛЕВАЛЫ“

*Я шел туда, где ключ живой
Народов мудрость источает,
Где слово истины простой
В лучах поэзии сияет.*

Л. Бельский

ЛЕОНИДА Бельского, русского переводчика полной «Калевалы» Элиаса Лённрота, современный читатель на фотографии наверняка видит впервые. Снимок был помещен в финском журнале «Балвоя» за 1909 год. Бельскому здесь 54 года. На этом снимке — человек, который оставил о себе добрую и прочную славу. Многие поколения читателей нашей многонациональной страны знакомились и продолжают знакомиться с волшебным и вместе с тем реально зрымым миром народных карело-финских рун через его перевод. Более того, по его работе «Калевала» переводилась на другие языки. Из «Калевалы» Бельского поэты черпали вдохновение. Ученые самых разных профилей (историки, археологи, этнографы, фольклористы и т. д.) цитировали «Калевалу» Бельского в своих трудах, потому что «Калевала» — не только источник поэзии, но и источник знаний, накопленных в народной памяти за многие века. Словом, имя Бельского широко известно. Но что о нем знает всесоюзный читатель, кроме того, что это — переводчик «Калевалы»? Да откровенно говоря, ничего. И это немудрено. Имя Бельского, как ни странно, вы не встретите ни в дореволюционных энциклопедиях (Брокгауз и Ефрон и др.), ни в Большой Советской Энциклопедии, ни

в литературных энциклопедиях, выходивших в нашей стране.

Куда внимательнее отнеслись к Бельскому на родине Элиаса Лённрота, в Финляндии. Его имя можно найти во всех крупных энциклопедических изданиях со ссылками на два отзыва о переводе «Калевалы» Бельским в журнале «Балвоя» (1890, 1909 гг.). Оценка перевода была положительной и в том, и в другом случае. Первая рецензия — это отклик на перевод Бельского, напечатанный журналом «Пантеон Литературы» отдельным изданием в 1889 году (журнал издавался в Петербурге с 1888 по 1895 гг. А. Чудиновым и Ф. Трозинером). Рецензент И. Миккола считает перевод удивившимся, «тщательно сделанным, безыскусным и легким». Критикуя ряд частных промахов, он прибегает к финской пословице, которую можно приблизительно перевести так: «По морю плыть — брызгам быть». «Замечания у нас к переводу, конечно, есть, но они ничуть не мешают ему оставаться первым среди переводов великого эпоса».

На «безыскусность» и «простоту» перевода Бельского указывает и второй рецензент — переводчик Я. Калима. Он подчеркивает, что Бельский не захотел «излишне украшать» «Калевалу» и в то же время от-